

Подготовка к провинциальному турниру вышла на финальную прямую, и воздух в спортзале казался раскаленным от ударов по волану. Во всем царило напряжение, но в эту напряженность неизменно вплеталась какая-то неуловимая, щекотливая нотка, прочно связавшая Инь Юня и Шэнь Цзи.

С тех пор как тренер закрепил их в одной паре, они практически стали единым целым на площадке. Утренние разминки, дневные спарринги, двухчасовые вечерние тренировки — от рассвета до заката. Наблюдавшие за ними со стороны уже привыкли к двум противоположным, но идеально дополняющим друг друга силуэтам по обе стороны сетки.

Инь Юнь, казалось, полностью раскусил характер Шэнь Цзи. Больше он не бросал сухих, угловатых вызовов, как поначалу, а научился действовать ненавязчиво, со свойственной юности лукавкой и мягкостью, шаг за шагом прощупывая границы этой ледяной глыбы.

В разгар полуденной тренировки солнечный свет косыми лучами пробивался сквозь стеклянные окна, заливая пол широкими полосами теплого золота. Инь Юнь только что закончил серию изнуряющих розыгрышей, и его кожа покрылась испариной. Ему было лень идти за полотенцем к скамейке, и он просто провел тыльной стороной ладони по влажному лбу.

Кончики пальцев скользнули по покрасневшему уголку глаза, разметаив липкие пряди челки, которые мягко легли на чистый лоб. На покрасневшемся от нагрузок лице играл легкий румянец, а обыкновенно сдержанный взгляд сейчас приобрел манящую, расслабленную поволоку. Казалось бы, самое обычное движение, но от него невозможно было отвести глаз.

Он повернулся к молчаливо отдыхавшему Шэнь Цзи, лукаво сверкнул глазами и намеренно подошел на пару шагов ближе. Расстояние между ними сократилось настолько, что стали видны длинные респы соперника и уловился легкий запах мыла, смешанный с ароматом пота.

— Шэнь Цзи, — Инь Юнь слегка приподнял подбородок, заговорив очень тихо, с чуть ленивой мягкостью в голосе: — Мой недавний удар под сетку... разве я не стал лучше играть?

Теплое дыхание коснулось уха Шэнь Цзи, принеся с собой едва заметное ощущение нежной близости.

Тело Шэнь Цзи едва заметно напряглось, пальцы, сжимавшие ракетку, судорожно сжались, а кончики ушей с видимой скоростью залились бледным румянцем, который тут же расползлся до самых висков. Он инстинктивно отступил на полшага назад, увеличивая дистанцию, и смущенно отвел взгляд, не решаясь встретиться с теми сияющими, обжигающими глазами.

— Нормально.

Хо холодно бросил он два слова, пытаясь привычной холодностью скрыть внезапную панику в душе.

Однако слегка покрасневшие кончики ушей и напряженная линия челюсти уже выдавали все его эмоции.

Инь Юнь заметил каждую мелочь, и в его глазах блеснул огонек победителя. Вместо того чтобы отступить, он снова качнулся вперед и с нагловатой настойчивостью допытывался:

— Только нормально? Я же столько тренировался! Неужели тебе трудно меня похвалить?

В его тоне сквозила капризная упрямяка, а голос звучал так мягко, будто ластившийся к ладони котенок. Никакой агрессии, но именно это с легкостью задевало самые натянутые струны в душе Шэнь Цзи.

За все эти годы Шэнь Цзи никогда ни с кем не сближался настолько, никто никогда не смел так бесцеремонно подходить к нему, капризничать и заигрывать. Он привык держаться особняком, привык к резким словам и холоду, привык выстраивать вокруг себя высокие стены из безразличия, отрезая любые попытки внешнего мира подойти ближе. Но перед Инь Юнем эта стена рушилась с пугающей быстротой, кирпичик за кирпичиком.

Ему хотелось прикрикнуть, хотелось развернуться и уйти, вернуть прежнюю отстраненность, но с языка слетели лишь сухие, предельно сжатые слова:

— Пойдет.

Всего два коротких слова — большего его уступчивость позволить не могла.

А Инь Юнь сиял так, будто получил величайшую награду. Его глаза превратились в лучистые полумесяцы, на щеках проступили ямочки, и весь он, казалось, вобрал в себя тепло солнца — ослепительный и нежный. Глядя на покрасневший, но изо всех сил изображающий равнодушие профиль Шэнь Цзи, он чувствовал, как внутри поднимается сладкая, трепетная волна тепла.

Оказывается, эта с виду непрístupная ледяная глыба способна так легко смущаться.

Оказывается, стоит ему подойти ближе, как этот вечно отстраненный парень являет миру столь явные слабости.

Это сокровенное чувство, словно семечко, давшее тайный росток, безудержно тянулось вверх в череде ежедневных тренировок, противостояний и проб, пустив глубокие корни в сердце так, что вырвать его уже не представлялось возможным.

Инь Юнь прекрасно понимал: то, что он чувствует к Шэнь Цзи, давно вышло за рамки простого соперничества.

Он ловил себя на том, что во время тренировок украдкой следит за его фигурой, провожая взглядом каждое движение; что ломает голову над тем, как заставить молчаливого Шэнь Цзи заговорить, и радуется даже холодному взгляду; что в спаррингах специально сбавляет темп, жалея выкладываться на полную и боясь переутомить его. Он ловил себя на щемящей жалости, когда видел Шэнь Цзи тренирующегося в одиночестве, и всем сердцем хотел оказаться рядом, чтобы разогнать окружающее его одиночество.

Это чувство пришло бесшумно, но оказалось несокрушимо крепким.

Да и Шэнь Цзи... разве он чувствовал иначе?

Пусть его губы по-прежнему хранили холод, а сам он оставался неразговорчив, в делах он изменился слишком сильно.

Он молча прерывал тренировку, если Инь Юнь разминался спустя рукава, и лишь взглядом указывал на необходимость сделать растяжку; в парных розыгрышах он безупречно отбивал самые сложные мячи Инь Юня, но в решающие моменты незаметно гасил силу удара, чтобы тот не попал в неловкое положение; стоило Инь Юню запыхаться от усталости, как в его руках тут же оказывались вода и полотенце — движения вышли до того естественными и отточенными, что он и сам не заметил, как забота превратилась в инстинкт; а когда тренер ругал Инь Юня за плохую форму, Шэнь Цзи молча снижал темп противостояния, по-своему помогая тому вернуть кондиции.

Шэнь Цзи ненавидел хлопоты, ненавидел шум и чужую близость. Исключением стал лишь Инь Юнь — единственный и неповторимый.

Эти заигрывания, шаги навстречу, улыбки и упрямство Инь Юня давным-давно просочились в его погруженный в тишину мир, став единственным светом и единственной рябью на глади его унылого, одинокого существования.

Он не хотел этого признавать, но и отрицать уже не мог.

Каждый раз, когда Инь Юнь подходил ближе, когда улыбался или смотрел своими сияющими глазами, его сердце начинало колотиться против воли, а ледяные уголки души оттаивали, становясь мягче.

Всю эту сцену тайного притяжения отлично видели со стороны. Атмосфера во всей команде сделалась еще более двусмысленной.

Линь Юйхэн прижимал к груди стакан с водой, притулившись рядом с Сюй Линем. Он в упор пялился на двоих в центре площадки и так мелко дрожал от возбуждения, что боялся издать хоть звук, чтобы не испортить момент. Зажав рот рукой, с сияющими лихорадочным блеском глазами, он мысленно выстраивал бесконечные романтические сценарии, а уголки его губ так и норовили уплыть вверх в улыбке.

— Я же говорил! Я же говорил, что между ними что-то не так! — Линь Юйхэн шепотом, так что слышал только Сюй Линь, безудержно комментировал происходящее: — Смотри на Шэнь Цзи, у него даже уши красные, а все притворяется букой! Это же чистая влюбленность! А братец Юнь мастер, стоило чуть подкатить, как ледяная глыба посыпалась!

Сюй Линь проследил за его взглядом. В его спокойных глазах промелькнуло понимание, на лице по-прежнему не дрогнул ни один мускул. Он не стал прерывать Линь Юйхэна, как делал обычно, а лишь бросил негромко:

— Следи за тренировкой, не пялься на других.

Тем не менее его собственный взгляд задержался на парнях довольно долго.

Со стороны виднее: он уже давно разглядел в них чувства, переросшие соперничество.

Здесь не было громогласных признаний или показной откровенности — все трепетные порывы прятались в череде ударов по волану, в мимолетных взглядах, в недосказанности и ненавязчивой заботе.

Но тяжелее и мучительнее всех пришлось Чжэн Ицзиню.

Он стоял на противоположном краю площадки, сжимая ракетку так сильно, что побелели костяшки пальцев, а на тыльной стороне ладони проступили вздувшиеся вены. Его взгляд намертво прилип к Инь Юню и Шэнь Цзи: он видел их близость, видел мягкую улыбку Инь Юня, редкую уступчивость и смущение Шэнь Цзи, эту невидимую для посторонних, непроницаемую ауру взаимного притяжения. Его сердце словно сдавила чья-то невидимая рука — тупая боль смешалась с кислой горечью.

Ревность буйно разрасталась ядовитыми лианами, опутывая сердце всё туже и почти лишая возможности дышать.

Видеть, как Инь Юнь без оглядки доверяет Шэнь Цзи и заигрывает с ним, как Шэнь Цзи выказывает одному лишь Инь Юню столь исключительную снисходительность и внимание — это казалось невыносимо ярким и ранило до глубины души.

Ведь это место должно было принадлежать ему.

Они были знакомы с Инь Юнем много лет, вместе тренировались и росли. Он столько лет молчаливо преданно смотрел на Инь Юня, но в итоге проиграл какому-то внезапно объявившемуся Шэнь Цзи.

С какой стати?

Чжэн Ицзинь крепко сжал губы, его лицо помрачнело до жути. В глазах бушевали досада, ревность, боль и почти одержимое упрямство.

Он не сдастся вот так просто.

Он не станет смотреть сложа руки, как кто-то отнимает у него солнце, на которое он столько лет молился.

А на поле Инь Юнь и Шэнь Цзи продолжали свое молчаливое противостояние.

Заметив покрасневшие уши Шэнь Цзи, Инь Юнь улыбнулся еще нежнее и уже собирался что-то сказать, как вдруг раздался свисток тренера, призывающий всех возобновить занятие.

Будто спасаясь от неминуемой гибели, Шэнь Цзи резко развернулся и зашагал к центру площадки, уходя от взглядов Инь Юня. Разве что алые отсветы на его ушах еще долго не желали гаснуть.

Инь Юнь проводил взглядом его слегка суетливую спину и тихо рассмеялся — в его глазах плескалась такая нежность и трепет, что казалось, они вот-вот перельются через край.

Вновь встав по обе стороны сетки, они на секунду замерли, переглянувшись. Во взглядах читалось нечто невысказанное, после чего оба быстро совладали с собой и приняли сосредоточенный вид.

Подача, удар, прыжок, спасение мяча.

Волан летал туда-сюда через сетку, звуки ударов следовали один за другим, но теперь в игре было нечто большее, чем чистая жажда победы и борьба.

Каждое случайное соприкосновение взглядов таило в себе едва уловимую робость и жар; каждое сближение — осознанную сдержанность и трепет; каждый миг, когда они проносились мимо друг друга, приносил ощущение чужого тепла и бешеного стука сердец.

Игры были настоящими, и чувства — тоже.

Сдержанность была настоящей, и это равнодушие — тоже.

Солнце постепенно клонилось к закату, отбрасывая их общие тени на пол спортзала — тени сплелись так крепко, что их уже невозможно было разъединить.

Шумные голоса, аплодисменты и шаги за кромкой поля казались простым фоном. Во всем

огромном зале, казалось, остались только они двое.

Из острых на язык соперников они превратились в пару, связанную тугим узлом взаимной нежности. Чувство, зародившееся на спортплощадке, тихо зрело и расползалось в стороны.

Никто не произнес главного вслух, но понимали все.

А это робкое увлечение, спрятанное за спортивным азартом и потом, едва начавшись, уже было до боли прекрасным.

<http://bllate.org/book/19705/1937965>